

и его органическую связь с контекстом всего параграфа, который при предлагаемом понимании приобретает цельный и ясный смысл: «Кроме того, они клянутся никому не сообщать основы учения в ином виде, чем получили сами, воздерживаясь от (всякого его) искажения, и равно охранять (в тайне) как книги своей секты, так и имена ангелов».

Таким образом, дошедший до нас греческий текст Флавия может быть понят без всякого изменения рукописной традиции и слова ἀφ᾽ ἑξῆσθαὶ δὲ ληστείας, на первый взгляд противоречащие контексту, при предлагаемом понимании являются его органической и логической составной частью.

И. Д. Амуссин

THE OATH OF THE ESSENES

by J. D. Amussin

The phrase ἀφ᾽ ἑξῆσθαὶ δὲ ληστείας is the *crux interpretum* of the oath of the Essenes as quoted by Josephus (*BJ* II 8,7 § 142). The only possible direct translation, «to abstain from robbery», is in sharp conflict with the context (the whole of § 142). Yet syntactically, by means of the particles μέν — δέ, the phrase is firmly tied to the preceding part of the oath (in Whiston's translation: «to communicate their doctrines to no one any otherwise than as he received them himself») and to the part that follows: «and will equally preserve the books belonging to their sect and the names of the angels» (Whiston; Amussin: «preserve (in secrecy)'). Solutions proposed by other scholars (O. Michel, E. Kutsch, E. Gross, I. Hahn, C. Daniel, H. Kreissig), besides being unconvincing in themselves, seem not to answer the main question: what connexion has this phrase with the rest of the oath? Some, supposing the text to be corrupt, have proposed emendations (J. Lagrange, A. Dupont-Sommer, H. Kreissig). The present author tries to capture the sense of the phrase without resorting to this remedy. To understand the mechanism which produced it one must bear in mind that, as Josephus says himself, the *Bellum Judaicum* was originally written in his «native tongue» (*BJ*, Prooemium § 3 τῆ πατριῶ sc. γλώσσῃ) and only later, with the help of συνεργοί was it translated into Greek (*Contra Apionem* I, 9 § 50; cf. *Antiquitates Judaicae* XX §§ 263-64). The question arises: what word in the original could have caused the word ληστεία to appear in the Greek version? The author believes the word might have been the Aramaic-Hebrew verb ḥms, which means not only 'rob' but also 'distort' and the like. When Ezekiel (22 : 26; cf. Zephaniah 3 : 4) says: khnyh ḥmsw twrty, which means literally: «Her priests have done violence to my Torah», he means that the priests *distort* the Torah. The word ḥms is similarly used in the sense of incorrect, false interpretation in Qumran (cf. IQH VI 4—5) and also in rabbinical literature. One can see how Josephus's «fellow-workers», if their knowledge of Aramaic was weak, on finding ḥms in the original, might take the first and basic meaning of this word ('rob', 'robbery') for conversion into Greek. Thus understood, the phrase ἀφ᾽ ἑξῆσθαὶ δὲ ληστείας is seen to be an organic part of its context in § 142 and the whole passage acquires a clear and consistent meaning: «He further swear to communicate their doctrines to no one any otherwise than as he himself received them, *refraining from distortion (of any kind)*, and equally to keep (secret) both the books of their sect and the names of the angels».

If the author's interpretation of this passage be accepted, the same approach may facilitate the interpretation of other difficult passages in the Greek version of the *Bellum Judaicum*.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. КУЗИЩИН, Очерки по истории земледелия в Италии II в. до н. э. — I в. н. э., М., Изд-во МГУ, 1966, 308 стр.; Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э., М., Изд-во МГУ, 1973, 253 стр.

Начиная первую из рецензируемых книг, В. И. Кузищин отмечает, что до сих пор римское сельское хозяйство изучалось с точки зрения либо производственной, либо социальной проблематики. В результате терялась связь между развитием сельского хозяйства (т. е. основной отрасли римской экономики) и рабовладельческого способа производства: ни то, ни другое не могло быть понято до конца. Основой римского сельского хозяйства, несмотря на общественное значение таких его отраслей, как оливководство и виноградарство, автор считает полеводство. Оно не теряло значения даже в периоды наибольшего подъема других культур, так как при всем развитии товарности каждая производственная ячейка стремилась к самоудовлетворимости. В. И. Кузищин решительно возражает против широко распространенного мнения, согласно которому италийское хлебопашество приходило в упадок, не выдерживая конкуренции провинциального импортного зерна. С точки зрения автора, обоснованию которой уделена значительная часть книги, полевые культуры процветали в Италии на протяжении всего рассматриваемого им периода и привлекали особое внимание римских агрономов. В. И. Кузищин подробно изучает семенное дело, борьбу с сорняками, эволюцию урожайности, освоение новых земель, италийское почвоведение. На основании изученных им данных автор находит возможным отвергнуть представление о том, что кризис италийского земледелия начался в I в. н. э., к которому он относит кульминационный момент в его развитии.

В главе I «Климат, рельеф, реки» автор свел все доступные ему сведения, относящиеся к этой теме. В главе очень подробно характеризуются пять климатических областей древней Италии, свойственные им различные сельскохозяйственные культуры и разные породы скота. Столь же детально рассматриваются области гористые, холмистые, равнинные, лесистые, болотистые. Территорий, пригодных для земледелия, было немного, и приходилось осваивать худшие земли, затрачивая на это много труда и средств. При этом разнообразие рельефа, проявлявшееся нередко даже в пределах одного имения, давало возможность заниматься всеми видами сельского хозяйства.

Глава II посвящена почвам древней Италии и римскому почвоведению. В ней тщательно изучены данные о характере почв различных районов Италии. Кроме как в Апулии, Этрурии и Кампании, заключает автор, земель, пригодных для зерновых, было мало. Более благоприятны были условия для виноградарства, оливководства, садоводства, скотоводства. Прогресс земледелия предполагал разработку новых, менее пригодных земель, а это требовало денег, техники, рабочей силы и стало возможно лишь со II в. до н. э. благодаря притоку материальных ценностей и рабов. Далее автор переходит к анализу сведений римских агрономов о механическом составе

почвы, о ее влажности, жирности, плотности, тепловых свойствах, почвенных слоях, к попыткам создать классификацию почв.

Особенно подробно В. И. Кузищин останавливается на различных теориях I в. н. э., объясняющих причины снижения урожайности. Он рассматривает теорию старения земли, подробного старения женщины-матери, теорию малой пригодности италийской почвы для земледелия, выдвинутую сторонниками снабжения Италии привозным хлебом, теорию истощения почвы чрезмерно интенсивной обработкой и, наконец, теорию неистощимости почвенного плодородия, которую проповедовал приверженец интенсивного хозяйства Колумелла. Изыскания Колумеллы в области восстановления почвенного плодородия автор оценивает как величайший вклад в мировую науку. Полный разрыв с мифологическим мышлением и переход к мышлению научному позволили Колумелле обосновать возможность интенсивного хозяйства на любой земле при достаточной рачительности хозяев. Теория Колумеллы, кое-где применявшаяся на практике, отражала общий высокий уровень сельского хозяйства в его время.

В главе III «Сельскохозяйственные культуры и эволюция полеводства» на основании очень большого материала исследуется происхождение, эволюция, распространение, урожайность в разные периоды культур зерновых, масличных, бобовых, кормовых. Автор очень убедительно показывает, как улучшались, распространялись, приобретали все более товарный характер такие культуры, как полба, ячмень, просо, лен, кунжут, бобы, чечевица, фасоль, lupini, репа, вика. Особенно важен анализ материалов о пшенице. Значение ее, пишет автор, возрастает во II в. до н. э. (раньше оно уступало значению полбы) и еще более в I в. до н. э., когда умножается число сортов пшеницы, растет ее урожайность и она все более распространяется по Италии. Согласно Колумелле и Плинию Младшему, в их время пшеницу сеяли на всяких землях, что говорит о ее повсеместном распространении и о повышении роли более устойчивых сортов, о хорошей изученности этой культуры. Правда, урожайность падала, лучшие сорта вырождались, но зато пшеница стала высеваться в каждом имении для удовлетворения потребностей господ и рабов. Подводя итоги своим наблюдениям над общей эволюцией полеводства, В. И. Кузищин заключает, что они не дают оснований говорить о кризисе италийского сельского хозяйства ни во II в. до н. э., ни в I в. н. э. Напротив, можно констатировать его длительный непрерывный подъем. Если в I в. н. э. даже несколько падает урожайность пшеницы, то бобовые, технические и кормовые культуры улучшались и распространялись, их урожайность росла. Даже и в культуре пшеницы можно отметить улучшения: усовершенствование сортности, введение в оборот новых земель за счет корчевания лесов, осушения болот и обработки худших почв, повышение тщательности удобрения, развитие семенного дела, которому Колумелла и Плиний Старший уделяли гораздо больше внимания, чем их предшественники. Уточнены были нормы посева, улучшились обработка семян, методы борьбы с сорняками и болезнями растений. Конкуренция провинциального хлеба отнюдь не подрывала италийского хлебопашества. Привозной хлеб шел на нужды Рима, нескольких крупнейших городов, армии. Остальная Италия питалась собственным хлебом. Во всех имениях были хлебные поля для внутренних нужд; зерном из имений снабжались городские фамилии и те, кто получал раздачу от владельцев, мелкие города. В некоторых имениях зерновые оказывались основной товарной культурой. Кроме того, из провинций ввозилась только пшеница, остальные полеводческие культуры были местными. Особенно выгодными для продажи на городских рынках были ячмень, бобовые, лен, кунжут, масло которого хорошо шло в местностях, непригодных для оливководства. В общем, хозяйство было рентабельно, вложенные в него средства приносили доход. I в. н. э. не только не был временем начала кризиса, но, напротив, именно в это время интенсивные хозяйства достигли своего максимального развития.

Каким образом оно было достигнуто, рассматривается в главе IV «Организация рабского труда в сельском хозяйстве». Главные достижения сельского хозяйства автор связывает с рабовладельческим производством, крупным землепользованием и товар-

ными отношениями. Одной из основных задач, стоявших перед землевладельцами, была организация рабского труда и принуждение рабов к труду.

Первый параграф главы посвящен нормам выработки рабов. Вопрос о нормах возник на рубеже III и II вв. до н. э. с распространением крупных имений, владельцам которых было невыгодно покупать лишних рабов. Впервые о таких нормах мы узнаем от Катона, соединившего опыт иноземных рабовладельческих хозяйств с опытом италийских крестьян. Хозяйство Катона, хотя и связанное с рынком, было не столь специализированным, как известные нам из позднейших источников, более замкнутым, требовало меньших затрат. Катон не указывает конкретных норм дневной выработки, хотя, вероятно, такие нормы уже имелись и были известны по опыту крестьянских хозяйств (почему Катон и не считает нужным о них говорить). Свои нормы дает живший столетием позже Сазерна. Он сравнивает производительность свободного и рабского труда, стараясь вычленив последнюю. Видимо, особенности рабского труда уже стали хорошо известны: его производительность была на 40% ниже свободного. Сазерна писал, руководствуясь опытом зерновых хозяйств Цизальпинской Галлии, из чего явствует, что рабский труд проигрывал и в возделывании зерновых. Варрон призывал каждого хозяина самостоятельно экспериментировать с рабочей силой. Видимо, в это время шла напряженная работа по изысканию наиболее рациональных методов использования рабочей силы. Общих норм Варрон не дает, но кое-какие приводит, главным образом для скотоводства. Дальнейшее совершенствование норм, их детализация и внедрение в практику видны на примере трактата Колумеллы, который приводит точный расчет трудовых норм для каждой культуры, каждого вида почвы, для отдельных трудовых операций. Свои нормы выработки сообщает и Плиний Старший. Выработанные в I в. н. э. нормы воплотили трехвековой опыт рабовладельческого хозяйства, знаменовали его окончательный разрыв с традициями крестьянского хозяйства, показывая высокую степень изученности специфики рабского труда. При сравнении норм Колумеллы и Плиния Старшего автор отмечает, что в интенсивном хозяйстве первого нормы кое-где были высоки, кое-где они, напротив, ниже. Все зависело от значимости той или иной культуры в хозяйствах разных типов. В целом можно считать, что в экстенсивных хозяйствах сэкономили рабочую силу, и число рабов, видимо, было меньше, интенсивность и эффективность их труда ниже. Далее В. И. Кузищину пытается наметить путь сопоставления выработки раба и свободного земледельца, исходя из обработки участка в 20—30 югеров, на котором работал хозяин с семьей и одним-двумя работниками каждого работника здесь приходилась меньшая площадь, чем на одного работника в имении Сазерны. Норма трудовых затрат на единицу площади рабовладельческой виллы была меньше, а производительность рабского труда больше, чем в мелком хозяйстве. Централизованное рабовладельческое хозяйство было рентабельнее мелкого. Индивидуальная производительность рабского труда была более низкой, чем у свободного крестьянина, но коллективная более высокой.

Вопросу о том, как достигалась эта более высокая производительность труда, посвящен следующий параграф: «Специализация и кооперация рабского труда». Автор отмечает преимущества простой кооперации и экономии средств труда. Он указывает на имевшееся на вилле единичное разделение труда, на специализацию работников, хотя она и была неполной, поскольку в большинстве имений хозяйство было многоотраслевым, с выделением одной какой-либо культуры. Несмотря на данные об очень дробной специализации, надо думать, что одни и те же работники выполняли разные операции. По-настоящему обученными были виллики и начальники над отдельными видами работ, а также некоторые непосредственно занятые в производстве рабы (например, виноградари). Наличие специалистов позволило использовать труд и необученных рабов, батраков, женщин и детей. Довольно высокие нормы выработки предполагают труд квалифицированных работников, но квалификация большинства была довольно поверхностной и то лишь в интенсивных хозяйствах. В экстенсивных один раб выполнял все работы. Неполное развитие товарного хозяйства обуславливало поверхностность и неполноту единичного разделения труда.

Предмет главы V — «Внеэкономическое принуждение и его эффективность, создание поместной администрации». Поскольку раб был не заинтересован в результатах своего труда, пишет автор, его приходилось непрерывно принуждать к труду, непрестанно его контролировать. Иногда, особенно в небольших виллах, контроль осуществлял сам хозяин. В других случаях создавалась разветвленная рабская администрация. При Катоне она была еще довольно проста, состоя из виллика, виллики, эпистата и надсмотрщиков над виноградарями и маслоделами. У Варрона рабская иерархия уже значительно расширена: прибавлены разного рода надзиратели, а также ключник. В имениях с большим числом рабов появились прокураторы. Они же, как главные распорядители имений, упомянуты у Колумеллы. В то же время появляются субвиллики, акторы, которых было много в латифундиях. Далее шли начальники отдельных работ, эргастулов, мониторы, надзиравшие за отдельными группами рабов, и др. На 50 рабочих единиц приходилось около 20 контролеров и организаторов. У Катона администрация составляла 18—23% персонала, у Колумеллы — 30%. Соответственно растут издержки на ее содержание. В латифундиях процент административного персонала рос до какого-то предела, затем вновь падал, надзор ослабевал, производительность труда понижалась — латифундии становились мало рентабельными. Поэтому большую часть земель в них сдавали колонам. Распространение латифундий знаменовало кризис рабского способа производства, отказ от обработки крупных площадей рабским трудом, переход к децентрализованному мелкому хозяйству.

В последней главе, заключающей книгу («Эволюция италийского земледелия и возрастание эксплуатации рабского труда»), автор повторяет, что своего апогея италийское земледелие достигает в I в. до н. э., а со II в. н. э. начинается его кризис. Наиболее благоприятные условия для использования труда рабов складывались в средних виллах, где было возможно рациональное хозяйство, непрерывно совершенствовавшееся до I в. н. э. включительно. Целью владельцев вилл было возрастание прибавочного продукта, т. е. повышение производительности рабского труда. Рост ее обеспечил победу рабовладельческому способу производства над примитивным и классическому рабству над патриархальным. Неправильно считать, что производительность рабского труда была всегда низкой и не возрастала. При патриархальном рабстве потребность в прибавочном продукте и эксплуатация рабов были ограниченными. Классическое рабство было связано с производством прибавочной стоимости и развитием производительных сил. Эксплуатация рабов росла за счет удлинения рабочего дня и сокращения потребностей рабов. Летом рабочий день продолжался 16—17 часов, зимой — 11—12, в остальные сезоны — 14—15. Ряд работ производился в праздники. Нормы интенсифицировали труд. Ради экономии паек раба сокращался, раб лишался семьи, так как кормить ребенка-раба до 16 лет, когда его труд начинал приносить доход, было дороже (по стоимости затраченных продуктов), чем купить на 500 динариев нового раба. Судя по раскопанным в районе Помпей виллам, рабы жили по 2—3 человека в камерке, что исключало семейный быт. Семьи имели только члены администрации. Росту производительности труда способствовала также кооперация, специализация работников, разделение труда, совершенствование, хотя и медленное, орудий труда. Делались попытки создать иллюзорную заинтересованность рабов в труде, но «гуманность» господ была лишь более эффективным методом эксплуатации. Все это обеспечило подъем сельского хозяйства, но вело к быстрому истощению сил работников. Выгода господина состояла в быстрейшем потреблении сил раба. Но внутреннее воспроизводство было затружено, поэтому был необходим постоянный приток дешевых рабов извне. С прекращением завоеваний и сокращением этого притока приходилось ориентироваться на естественное воспроизводство, удорожавшее хозяйство, доходность которого падала. Хищническая эксплуатация, растрата рабочей силы не могли продолжаться долго, система рабовладельческого хозяйства перестала приносить доход, исчерпала себя. Экстенсивные хозяйства были менее рентабельны, но, поскольку эксплуатация там была меньшей, давали возможность внутреннего воспроизводства рабочей силы. Однако главная линия эволюции была связана с интенсивными хозяйствами, втянутыми в товарно-денежные отношения.

Если в первой из рецензируемых книг В. И. Кузищина разница между отдельными типами хозяйств только намечена, то вторая его книга целиком посвящена детальной характеристике этих различных типов.

В первой главе работы автор и рассматривает «Крестьянское хозяйство как экономический тип». Он отмечает, что в современной историко-экономической литературе крестьянское хозяйство не принимается в расчет, и находит это незакономерным. Крестьянство было достаточно многочисленно, и в I в. до н. э.— I в. н. э. число крестьян росло за счет наделения землей ветеранов. К тому же типу, что хозяйство крестьян-собственников, относилось и хозяйство многочисленных колонов. Не учитывая взаимоотношений тех и других с виллой, нельзя понять аграрную историю древней Италии. О величине крестьянского участка точных данных нет, но минимум и максимум установить можно. К первому относятся наделы в 2—5 югеров, ко второму — в 30 югеров. Видимо, наиболее обычными были наделы в 10—12 югеров. Об участках колонов данных нет, можно думать, что они составляли 20—30 югеров, так как колон должен был обеспечить себя и внести арендную плату. Крестьянин и колон трудились сами, иногда с одним-двумя рабами; всего на участке было занято 5—8 человек. Возможно, в горячую пору нанимались батраки, но вряд ли часто. Практиковалась взаимопомощь соседей, объединявшая крестьян, существовали и совместные угодья. Судя по Вергилию, набор орудий в крестьянском хозяйстве был невелик. Значительную их часть, кроме металлических орудий, изготовляли в самом хозяйстве. Для удобрений держали скот, но в незначительном количестве. Севооборот был примитивным, практиковались трехпольная и двухпольная системы. Из работ производились вспашка, боронование, мотыжение, орошение. Операций было меньше, чем на виллах, агротехнический уровень ниже. Ассортимент культур был довольно велик, но вдвое меньше, чем в рабовладельческих хозяйствах. Основное внимание уделялось менее прихотливым культурам. Подбор культур обеспечивал восстановление почвенного плодородия при недостатке удобрений. Вино и масло вырабатывались не первосортные, но годные для домашнего употребления. Связь с рынком имела, покупными были металлические изделия, смола, тесаный камень, рабы. Продавали фрукты, молоко, ягнят, овощи, может быть, иногда пшеницу, но лишь там, где участок был близок к городу. Денег в хозяйстве было мало, однако самостоятельный крестьянин мог обойтись и без рыночных связей. Напротив, колон нуждался в деньгах и был вынужден вести более интенсивное хозяйство. Поэтому хозяйства колонов были менее устойчивы, угроза разорения — реальной.

Переход к издольщине сблизил оба типа мелких хозяйств. В хозяйстве колонов уровень понижается, зато растет устойчивость. Вследствие обеспеченности рабочей силой, слабой интенсивности и натурального характера хозяйство крестьян было жизнеспособно. На его упадок влияла не конкуренция виллы, а социально-политические условия. Вместе с тем его значительная устойчивость определяла его роль в экономике. В худшем положении были владельцы мелких (до 10 югеров) участков. Они и составляли резерв для роста крупного землевладения. Государство в своей политике уделяло крестьянам значительное внимание. То же можно сказать о городах. Крестьянские хозяйства имели немалое значение и для соседствовавших с ними рабовладельческих вилл. Крестьянство было одним из основных классов римского общества наряду с рабами и рабовладельцами.

Глава вторая называется «Типичная рабовладельческая вилла, связанная с рынком». По мнению автора, виллы, связанные с рынком, множатся после II Пунической войны и вскоре становятся ведущим типом. Судя по тому, как подробно Катон говорит о постройке и оборудовании виллы, при нем дело это еще было новым. В те времена вилла была еще хозяйственным центром, хозяйский дом с его комфортом отсутствовал. Вилла Катона и Варрона была размером в 100—300 югеров. К тому же типу хозяйства принадлежала и вилла Колумеллы в 700 (а не в 1500, как считал Гуммерус) югеров.

Второй параграф главы посвящен «Идеальному имени и типичному поместью». Автор возражает исследователям, считающим будто идеальное имя не должно быть

связано с рынком. Правда, в нем имелись все отрасли сельского хозяйства, но и с округой, и с рынком оно было связано, так как целью производства здесь был денежный доход. Кроме того, деньги были необходимы для приобретения ремесленных изделий, рабов, оплаты батраков. Идеальное поместье должно было давать наибольший доход при наименьших затратах, но обычно агрономы писали о типичном имении. У Катона (как у Варрона и Колумеллы) — это многоотраслевое хозяйство со специализацией на одной культуре. В некоторых случаях, когда это диктовалось природными условиями, специализация была более глубокой. Данные агрономов подтверждаются раскопками помпейских вилл, специализировавшихся на вине или масле, но имевших и другие культуры. Специализация возникла на базе натурального хозяйства, была его дополнением. Значительная часть продукции вилл, даже связанных с рынком, в товарное обращение не поступала. Но вместе с тем нельзя и недооценивать товарности вилл, обслуживавших городские рынки.

В третьем параграфе «Ремесленная деятельность на вилле» отмечается, что на вилле Катона производилась кое-какая ремесленная продукция, но большая ее часть приобреталась извне. В типичном имении Варрона ремесленников нет, их нанимают на стороне. Благодаря отделению ремесла от сельского хозяйства росла доходность типичного имения. У Колумеллы ничего не говорится о ремесленных мастерских, но ряд ремесленных работ выполнялся на вилле. Рабы и рабыни в свободное время обрабатывали шерсть, изготавливали гончарные изделия. Объем ремесленных работ здесь больше, чем у Катона и Варрона, но все же ремесло и тут в зачаточном состоянии. В имениях больших размеров были ремесленники, но основная часть ремесленных изделий тоже покупалась, что укрепляло связь виллы с городом.

Четвертый параграф посвящен вопросу организации рабочей силы. У Катона и Варрона было примерно по полтора десятка рабов, у Колумеллы — несколько десятков. В период уборочных работ нанимали дополнительно свободных и рабов. В имении Колумеллы, видимо, было больше женщин, чем в имении Катона, что позволяло отчасти решить вопрос естественного воспроизводства фамилии, однако преувеличивать его роль не приходится, так как большая часть сельских рабов семьи не имела и жила на казарменном положении. У Колумеллы мы видим довольно четкую специализацию рабов, организацию их в рабочие группы. Квалифицированным рабам придавались разнорабочие — медиастины. Тщательная организация труда и повышение нормы эксплуатации рабов диктовались требованиями рынка.

О связях с рынком говорится в пятом параграфе. На рынки, пишет автор, шли оливки, вино, мясо, зерновые, сено, масло и т. п. Торговали как с близлежащими, так и с более отдаленными городами, до которых можно было добраться водным путем. Продукция продавалась и на месте оптовым торговцам; продавался урожай на корню. Торговля занимала заметное место в деятельности виллика.

Параграф шестой озаглавлен «Организация хозяйства, уровень агротехники, доходность». Товарные отрасли на вилле организовывались по последнему слову агротехники, с тем чтобы они приносили максимальный доход. Товарная культура была интенсивна, другие — экстенсивны. В середине I в. до н. э. — I в. н. э. был значительно усовершенствован инвентарь: появились колесный плуг, винтовой пресс, галльская жнейка, нового типа серпы, ножи, бороны и др. Повысилась квалификация занятых в специальных отраслях рабов. Данные о доходности интенсивных хозяйств отрывочны. По Колумелле, виноградники приносили 13—15%, остальные культуры меньше — возможно 6%. Большого состояния нажить сельским хозяйством не удавалось. К тому же неурожай часто поглощали доход. Хищническое отношение к земле подрывало урожайность. Росли цены на рабов. Все это снижало рентабельность хозяйства. В целом рассматриваемый тип хозяйства, несмотря на его достижения, был неустойчив. Однако наибольшие успехи сельского хозяйства были связаны именно с ним. В отличие от капиталистической фермы с увеличением размеров такая вилла становилась нерентабельной и трансформировалась в иной тип. Другое ее отличие от фермы состоит в том, что основа хозяйства была натуральной: только часть продукции вовлекалась в сферу товарного обращения. Глубинных основ производства товарные отноше-

ния не затрагивали. Расширенное производство было ограничено, между прочим, и потребляющим характером римского общества.

Глава III «Пригородное поместье» характеризует этот выделенный уже Катонем тип. В его времена здесь производились виноград, плоды, овощи, цветы. У Варрона сюда прибавляется еще скотоводство и птицеводство, а также рыболовство и пчеловодство. Продукция продавалась на римском рынке. Такое хозяйство было сугубо специализировано и иногда давало очень большой доход. Здесь достигалась максимальная интенсификация и специализация производства. Рабы были квалифицированными, общая насыщенность рабочей силой — наивысшей. Виллик и рабы вели торговлю, знали бухгалтерию и имели разные льготы. Такое хозяйство требовало больших затрат, и с ним был связан риск убытков от неурожая, эпидемий, изменений спроса. В качестве примера пригородного хозяйства описывается лаврентийская вилла Плиния Младшего под Римом. Тут все отрасли ориентированы на рынок. То, что не производилось в имении, покупалось. Рабов было много, и они жили в хороших условиях, так как были высококвалифицированными и стоили дорого. Колонов и наемных работников здесь не было, так как работы более равномерно распределялись по разным сезонам. Подгородное имение — особый тип хозяйства, его характеризует сугубо товарная направленность и высокая доходность при общей неустойчивости.

В главе IV рассматривается «Рабовладельческое поместье, слабо связанное с рынком». У агрономов оно именовалось «отдаленное поместье». Хлебные поля там сдавались колонам, на остальных культурах были заняты рабы. Отдаленным было имение Сазерны в Цизальпийской Галлии, и его данные помогают составить представление об этом типе виллы. Хотя часть земли сдавалась колонам, главную роль играл труд рабов. К тому же типу относится имение Горация. Колоны вносили плату деньгами, может быть, иногда частью урожая. Возможно, они были связаны и отработками, особенно в период сбора урожая, что позволяло обходиться без батраков. Но основной рабочей силой оставались рабы. Так как здесь негде было нанять ремесленников, их покупали. Заводились свои мастерские, что ослабляло связь с рынком. Хозяйство было многоотраслевым, и товарная отрасль не выделялась. Поэтому не было нужды в затратах на рациональное интенсивное хозяйство, экстенсивное же требовало небольших вложений. Доходы были невелики, зато меньше истощалась почва и урожай были стабильнее. Менее интенсивно эксплуатировались рабы, так как продукция не шла на продажу, создавались условия для их семейной жизни.

Рабским семьям выделяли участки и перекладывали на них все тяготы производственного процесса. Некоторые связи с рынком имелись и здесь, но в общем хозяйство было натуральным, замкнутым, а потому устойчивым, легко применявшимся к ситуации.

Глава V «Латифундия» начинается с параграфа, посвященного «Определению понятия „латифундия“». Здесь приводятся различные толкования этого термина у римских авторов и у современных историков. В. И. Кузищин возводит этот термин к Варрону, но считает, что он в общем применялся редко и к концу I в. н. э. был вытеснен термином «сальтус». Под латифундией понималось огромное имение с экстенсивным, запущенным хозяйством, обрабатываемое полчищами рабов. Минимальный размер латифундии — 1000 югеров, стоимость — миллион сестерциев (что, быть может, связано с сенаторским цензом).

Второй параграф озаглавлен «Характер рабочей силы и ее организация». У римских авторов, пишет В. И. Кузищин, латифундия обычно ассоциируется с закованными рабами. В имении Плиния Младшего имелись и рабы, и колоны, но основная рабочая сила в централизованной латифундии была рабской. Такой тип хозяйства закономерно порождается земельной концентрацией. Многочисленны были рабы-ремесленники, работавшие в мастерских, члены поместной администрации, а также обслуживающий персонал; это снижало доходность латифундии. Население ее было пестрым: рабы, клиенты, колоны, кабальные. С некоторых участков урожай снимали подрядчики-негоциаторы. Допустимо предположить и наличие отработок колонов. Организация производства была хуже, чем на вилле, надзор слабее, производительность труда и до-

ходность ниже, степень эксплуатации меньше, чем в рациональном хозяйстве. От закованных рабов постепенно отказывались. Так как рыночные связи здесь играли меньшую роль, не было стимула к интенсификации хозяйства. В латифундиях складывались устойчивые рабские семьи, так как при большом количестве нетоварной продукции содержание женщин и детей не было обременительно, в возрастании же числа рабов господ были заинтересованы. Семьям рабов выделялся некулий, что способствовало возникновению имущественной самостоятельности рабов. В латифундиях возникали рабские коллегии, рабы общались со свободными. Преимущества рационально организованного рабского труда здесь терялись, недостатки же рабского труда выступали на передний план. Все более явной становилась выгода колоната, совершался переход к децентрализованному хозяйству колонов и квазиколонатов. Рабы здесь были рассредоточены, так как помимо большой центральной виллы имелось еще несколько вилл. Кроме того, на территории латифундий находились села колонатов и отдельные хутора.

Третий параграф «Организация хозяйства. Рыночные связи» начинается с констатации того факта, что хозяйство латифундий было многоотраслевым, с многими культурами, отсутствовавшими в небольших виллах, и что ремесло было здесь соединено с земледелием. Состояние агротехники было низким, урожайность минимальной, часть земель оставалась заброшенной. Одной из главных целей производства было обеспечение населения сельскохозяйственной и ремесленной продукцией. Иногда, правда, особо выделялись хлебопашество и скотоводство. Большую роль играли виноградарьки. Хозяйство не было и не могло быть интенсивным. Были, правда, и хорошо обрабатывавшиеся латифундии, но они оказывались недолговечными, примером чему служит судьба Тария Руфа. Постепенно латифундисты переходили к экстенсивному хозяйству и использованию труда колонатов. В I в. н. э. в латифундиях сочетались малопродуктивное рабовладельческое хозяйство и более интенсивное и доходное хозяйство арендаторов. Но последнее было неустойчиво, и арендаторы часто разорялись. Отсюда — переход к издольщине, когда хозяйство колонатов становилось менее интенсивным и входит как органическая часть в хозяйство латифундии. Со II в. латифундии превращаются в огромный малопродуктивный, но социально и экономически устойчивый организм, в децентрализованную латифундию.

Связи с рынком были незначительны. Самой товарной и доходной отраслью было, видимо, скотоводство. Но рыночные связи могли порываться, не затрагивая хозяйственных основ латифундии. Одним из видов товарных связей была продажа урожая на корню негоднаторам. Для своей округи латифундия имела большую притягательную силу. Соседи покупали в латифундиях то, чего им не доставало, в частности ремесленные изделия, нанимали там ремесленников. Особенно зависели от латифундии крестьяне, но отчасти и соседние города, что иллюстрируется отношениями Плиния Младшего с Тиферном и спорами латифундистов с городами по поводу организации нундии. Постепенно латифундия превращается в хозяйственный центр окрестной местности. Особым видом латифундиального хозяйства было кочевое скотоводство. В I в. н. э. с сокращением общественной земли, которую арендовали под пастбища, его значение падает, и скотоводство преобразуется в пастбищное.

В «Заключении» автор кратко подводит итог своему исследованию: он констатирует наличие нескольких типов имений, сочетание товарности с натуральным хозяйством даже в рабовладельческих виллах, связанных с рынком, — ведущем типе хозяйства. Он подчеркивает недопустимость недооценки роли крестьянского хозяйства, связанного с рабовладельческой виллой, функционирование которой нельзя понять без учета этих связей. Особенно важны они были для латифундий. Наконец, В. И. Кузицина подчеркивает, что для всех типов хозяйства труд рабов был основным.

Уже это, по необходимости довольно краткое, изложение книг В. И. Кузициной показывает, сколь значителен вклад их автора в научную литературу. Превосходное знание как источников, так и литературы вопроса позволило ему кое в чем подвести итоги исследованиям своих предшественников и значительно продвинуть разработку проблемы аграрной истории Италии в период ее наибольшего расцвета, заложить

прочный фундамент для изучения ее экономической и социальной истории. Не остается более места спорам эпигонов школ Бюхнера и Эд. Мейера, так как не остается уже некоего абстрактного италийского имени, к которому можно прилагать все данные источников. Недифференцированная или недостаточно дифференцированная прежде картина становится очень четкой благодаря выделению и убедительной характеристике отдельных типов имений. Расчлениется и представлявшаяся довольно аморфной масса земле- и рабовладельцев. Она оказывается состоящей из слоев, связанных с разными типами хозяйства, а потому с разными экономическими интересами, что, несомненно, должно учитываться при исследовании борьбы различных группировок и политики правительства как республиканского, так и императорского. Убедительно подтверждено уже ранее высказывавшееся предположение, что наиболее передовым для своего времени слоем господствующего класса, слоем, с которым было связано развитие рабовладельческого способа производства, были не латифундисты, а владельцы средних вилл, наиболее вовлеченных в связи с рынком. Так наглядно подтверждается тезис о взаимосвязи между развитием рабства и товарно-денежными отношениями. Теорию, согласно которой судьба рабства определялась судьбой латифундий, можно теперь считать окончательно опровергнутой. Латифундии, как показал автор, на длительный срок были с рабством несовместимы и распространение их знаменовало кризис производства, основанного на рабстве.

Столь же убедительно опровергается представление об упадке италийского сельского хозяйства из-за конкуренции провинций. Автор ищет причины расцвета и упадка рабовладельческого способа производства в его внутренних, специфических, ему самому присущих закономерностях, а не во внешних обстоятельствах.

Очень интересна глава, посвященная крестьянскому хозяйству. До сих пор в центре исследований историков стояли виллы и латифундии, крестьянство внимания не привлекало. Считалось, что оно то ли почти исчезло, то ли не играло никакой роли. Между тем постоянное обращение авторов риторических сборников к крестьянской тематике и особенно многочисленные, происходящие из различных частей Италии надписи жителей сел и пагов показывают, что крестьянство продолжало играть в Италии значительную роль не только при Республике, но и при Империи. За счет вовлечения крестьян в сферу своего влияния укрепляли свои позиции латифундисты. Крестьянство было носителем общинных отношений, отесненных на задний план в период наибольшего развития рабовладельческого способа производства, но с его кризисом начавших играть все большую роль в социально-экономической и политической истории римского мира. Анализ причин устойчивости крестьянского хозяйства даже в неблагоприятно складывавшихся для него условиях — большая удача автора. Она связана с его более общими положениями, касающимися и других типов хозяйств, которые были тем устойчивее, чем менее были связаны с рынком, хотя именно развитие товарно-денежных отношений обусловило наибольшие достижения рабовладельческого способа производства. Так вскрывается диалектика соотношения товарного и натурального производства в Риме, составляющая его специфику и во многом объясняющая особенности и эволюцию его экономики.

Вместе с тем некоторые положения автора представляются спорными. В первую очередь это относится к его точке зрения на невозможность естественного воспроизводства рабов и на значение прекращения притока дешевых невольников в результате сокращения римской агрессии. Правда, в отличие от многих своих предшественников, которые видели в этих факторах основную причину кризиса рабовладельческого способа производства в целом. В. И. Кузищин говорит об их значении только применительно к виллам, связанным с рынком, где эксплуатация рабов была наиболее интенсивной. Но и это представляется сомнительным. Уже одно то, что, как показал автор, в таких виллах основа хозяйства была натуральной, заставляет полагать, что деньги ценились больше продуктов питания и затраты на покупку новых рабов были нежелательны. В. И. Кузищин считает, что господину было невыгодно содержать жену раба и его детей до 16 лет, когда они начинали работать. Но женщины, сожительствовавшие с рабами (устойчивость и характер таких связей в данном случае

значения не имеют), работали и сами, как видно из известных слов Варрона о рабах-иллирийцах, рожавших в поле и продолжавших работать сразу после родов. Что же касается детей, то В. И. Кузищин явно завышает возраст, с которого они начинали приносить доход. В «Дигестах» читаем, что раб начинает приносить доход с пяти лет, а известная эпитафия мальчика-раба Пага сообщает (хотя, возможно, несколько преувеличенно), что он, хотя умер в возрасте 12 лет, был уже искусным ювелиром. Тем более дети в таком и младшем возрасте могли быть заняты на сельскохозяйственных и простых ремесленных работах в имении. (Ведь и сам В. И. Кузищин пишет, что при наличии квалифицированных работников можно было использовать и необученных, в том числе женщин и детей.) К инвентарю благоустроенного имения, каким были виллы, описанные Варроном и Колумеллой, юристы относили и кормилиц рабских детей. Можно полагать, что дети, чтобы не отвлекать матерей от работы, воспитывались кормилицами до той поры, когда могли начать исполнять какую-нибудь работу.

Не представляется убедительным соображение В. И. Кузищина о том, что Колумелла, советуя предоставлять льготы, вплоть до отпуска на волю, многодетным рабьям, имел в виду только сожительниц членов поместной администрации. Колумелла нигде этого не оговаривает, и естественнее полагать, что он имел в виду всех рабынь и был, следовательно, заинтересован в их плодovitости. Кстати, здесь можно сослаться и на то обстоятельство, что при продаже рабыни ее бесплодие входило в число тех недостатков, о которых продавец обязан был предупредить покупателя.

Если принять точку зрения В. И. Кузищина на подорожание и недостачу рабов на рабских рынках как на одну из основных трудностей, стоявших перед владельцами интенсивных, работающих на рынок имений, то чем можно объяснить полное молчание о ней тогдашних авторов, столь много внимания уделявших различным аспектам «рабского вопроса»? Чем объяснить частые жалобы на то, что рабов становится слишком много (ведь при Тиберии даже вносилось предположение о законодательном ограничении численности фамилий), и на массовый отпуск на волю рабов? Чем объяснить, наконец, те данные, которые показывают, что цены на рабов оставались более или менее стабильными (дорожали, возможно, только высококвалифицированные рабы)? С другой стороны, В. И. Кузищин не уделяет внимания советам тогдашних писателей на небрежность рабов, на невозможность заставить их тщательно выполнять более сложные, требующие пристального внимания операции, на то, что знающие и расторопные рабы оказываются непокорными и склонными к мятежу. Но, по-видимому, именно эти моменты (а не подорожание или нехватка невольников на рабских рынках) лежали в основе появления и обострения «рабского вопроса» в I в. н. э. Пока производственный процесс был сравнительно прост, рабов можно было заставить трудиться достаточно эффективно. С накоплением опыта и соответственным усложнением трудовых операций одного принуждения становится мало, все недостатки подневольного труда выступают на передний план. Особенно ясно это видно на примере ремесла, где потребность в высококвалифицированных и инициативных работниках появилась раньше и была особенно острой. Поэтому уже в I в. до н. э. мы видим различные меры поощрения хорошо обученных ремесленников (особенно в отраслях, производивших предметы роскоши). Им предоставлялась известная самостоятельность и облегчалось освобождение. В I в. н. э. те же явления начинают сказываться и в сельском хозяйстве, но здесь заинтересовать рабов было труднее, так как выделить ремесленнику самостоятельно эксплуатируемую им маленькую мастерскую было проще, чем выделить сельскому рабу участок на вилле, поскольку такое дробление виллы уничтожало ее преимущества. Колумелла, надеясь преодолеть эту трудность, во многом был утопистом (так же как в своей надежде найти всесторонне сведущего и вместе с тем беззаветно преданного хозяину виллика), и видимо, большинство господ искали каких-то иных средств заставить рабов трудиться в полную силу их умения, но средства эти оказывались малоэффективными, что и привело к кризису интенсивных хозяйств.

В. И. Кузищин совершенно прав, когда пишет, что смягчение положения рабов означало не наступление кризиса рабовладельческого способа производства, как то полагали раньше, а напротив, его дальнейшее развитие. Действительно, смягчение это

вызывалось совершенствованием, усложнением процесса производства, уже несоместимого с одним только грубым принуждением. Но все же надо иметь в виду, что попытки смягчить положение рабов, заинтересовать их не привели к цели, противоречий рабовладельческого способа производства не преодолели и дальнейшие достижения стали для него невозможны.

В некотором противоречии с мыслями, высказанными по поводу смягчения положения рабов, стоит утверждение автора, что повышение нормы эксплуатации рабов в связанных с рынком виллах шло не только за счет интенсификации их труда, но и за счет максимальной экономии на их содержании. Такая экономия была свойственна ранним стадиям развития рабовладения. Постепенно же господа стали сознавать, что она оборачивается убытком, поскольку раб, чтобы приносить доход, должен был быть физически, а по возможности и морально, в «хорошей форме». Вряд ли, например, Катону пришло бы в голову, как то делал Колумелла, позволить уставшему рабу отлежаться в больнице. И вряд ли, с другой стороны, Колумелла не больше Катона заботился о физическом благополучии своих работников. А включение в инвентарь имения довольно многочисленного обслуживающего персонала, в том числе истряпух, показывает, что о питании рабов теперь заботились больше, чем раньше, когда рабам выдавали их паек с тем, чтобы они сами готовили себе пищу. В этом смысле, видимо, разница между методами Катона и собственников I в. н. э. была столь же велика, как и в отношении к духовным запросам рабов: Катон считал, что раб должен либо работать, либо спать, господин же I в. н. э. организовывал для рабов коллегии (и не только в латифундиях, как пишет В. И. Кузицин, но и в средних виллах); дозволял им занимать в коллегиях выборные должности, участвовать в культах не только домашних, но и общеримских богов, праздновать сатурналии, видимо, особенно распорядившись как рабский праздник именно в это время, и т. п. Смягчение положения рабов, начавшееся в I в., было достаточно реально, но преодолеть усиливавшееся противоречия рабовладельческого способа производства не смогло — взаимосвязь между этими явлениями была более сложной.

Приведенные возражения, также могущие быть оспоренными, несколько не влияют на уже приведенную выше высокую оценку книг В. И. Кузицина, которые, несомненно, станут отправной точкой и превосходной базой для дальнейших исследований социально-экономической и политической истории Рима.

Е. М. Штаерман

Э. И. СОЛОМОННИК, Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лapidарные надписи, Киев, 1973, «Наукова думка», 283 стр.

Появление каждого нового сборника надписей или монографического их исследования всегда приятное событие в мире эпиграфики. Издания такого рода вводят в круг письменных источников новые, порой весьма значительные документы, а также улучшают чтение, датировку и комментарий старых, уже опубликованных ранее эпиграфических памятников. Поэтому нельзя не приветствовать выпуск в свет нового сборника специалиста по эпиграфике Херсонеса Э. И. Соломонник. Этот сборник — второй по счету; первый был опубликован под омонимичным заглавием в 1964 г. Оба издания примерно равны по объему: первое включает в себя 108, а второе — 90 документов. Новый сборник продолжает нумерацию старого, что — замечу сразу — создает некоторое неудобство при цитировании; вероятно, целесообразнее было бы поставить на титульном листе новой публикации, отделенной от первой почти десятилетним промежутком времени, цифру II.

Э. И. Соломонник публикует много новых надписей и их фрагментов, особенно в разделе «Надгробия», но не меньшее их число переиздается. Это в основном документы,